

Сборник

ИТоговых материалов

научно-практических семинаров, проведенных
в г. Магас, г. Казань

«Исламское образование: проблемы и пути их
преодоления. Законодательное и нормативное правовое
регулирование»

Москва

2012

**Круглый стол: «Исламское образование: проблемы и пути их преодоления.
Законодательное и нормативное правовое регулирование»**

г. Магас, 22 ноября 2012 года

Встречающая сторона	
Клочкович Виталий Владимирович	начальник отдела Аппарата Совета Безопасности Республики Ингушетия
Султыгов Ахмед Алиевич	и.о. начальника отдела по связям с общественностью Администрации Главы Республики Ингушетия
Светличный Василий Иванович	председатель комитета по науке, образованию, культуре и спорту Народного Собрания Республики Ингушетия
Участники встречи	
Чапанов Алаудин Султанович	ведущий специалист отдела по связям с общественностью Администрации Главы Республики Ингушетия
Нальгиев Алихан Илезович	заместитель муфтия Республики Ингушетия, председатель комитета по образованию и науке духовного управления мусульман
Долгиев Адсалам Ахметович	заместитель муфтия Республики Ингушетия по науке, куратор «медресе»
Аушев Хасан Умарович	преподаватель Исламского института им. имама Ашафии, руководитель интернет-сайта islam.ing
Шхануков Анзор Мубинович	преподаватель Северо-Кавказского исламского университета имени имама Абу-Ханифы (Кабардино- Балкария)

Нашапигов Мухамед Хачимович	преподаватель Северо-Кавказского исламского университета имени имама Абу-Ханифы (Кабардино-Балкария) и представитель исламского института г.Черкесск
Геграев Аким Камиллович	преподаватель Северо-Кавказского исламского университета имени имама Абу-Ханифы (Кабардино-Балкария)
Киржинов Артур Хусейнович	преподаватель Северо-Кавказского исламского университета имени имама Абу-Ханифы (Кабардино-Балкария)
Силантьев Роман Анатольевич	руководитель центра географии религии Московской Патриархии, к.и.н., доцент МГЛУ, зам. председателя экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ
Саввин Александр Викторович	д.ф.н., профессор ПСТГУ, Аналитик РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина, член экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ
Кадиев Расул Ахмедович	правовед, Представитель Дагестанского исламского университета им. шейха Мухаммад-Арифа
Василий Шауэрман	ректор Владикавказского духовного училища протоиерей
Петр Павлов	секретарь Владикавказской епархии

Силантьев Роман Анатольевич (руководитель центра географии религии Московской Патриархии, к.и.н., доцент МГЛУ, зам. председателя экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ)

Уважаемые участники круглого стола! Противодействие терроризму играет одну из важнейших ролей. Государство оказывает исламскому образованию существенную поддержку, в том числе финансовую. В государственную программу подготовки специалистов со знанием исламской культуры вовлечены известные светские ВУЗы. Министерством образования и науки России в 2011 г. организована работа по повышению квалификации более 500 педагогических работников ведущих ВУЗов и учреждений профессионального образования страны по проблемам духовно-нравственного воспитания молодежи.

Во взаимодействии с религиозными организациями и духовными исламскими образовательными учреждениями осуществляется формирование многоуровневой подготовки специалистов по исламской истории и культуре для дальнейшей работы в религиозных образовательных учреждениях, общественных организациях, органах государственной власти и муниципалитетах. Дополнительной задачей в рамках образовательного направления является не только подготовка специалистов по противодействию терроризму, то есть работа со взрослыми людьми, но и предотвращение появления сторонников террористических организаций, то есть работа с молодежью. И в этом случае, безусловно, полем деятельности является школа и иные учебные заведения. В рамках реализации этой задачи осуществляются меры по совершенствованию работы учреждений системы образования Российской Федерации, направленные на формирование у молодого поколения установок межрелигиозной и межнациональной терпимости, а также ведение работы по профилактике религиозно-политического экстремизма. Утверждены новые федеральные образовательные стандарты начального, общего и основного общего образования, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования. При этом особое направление в работе по профилактике экстремизма в образовательной сфере уделяется объективному освещению исторического пути развития содружества народов Российской Федерации. Завершена двухлетняя апробация в 21 субъекте Российской Федерации учебного курса основы религиозной культуры и светской этики.

У православных уже давние крепкие связи... Радостно видеть, что развивается здесь традиционный ислам и в том числе и мусульманское образование. Хотел бы сказать, что мы пригласили на этот круглый стол также представителей православных учебных заведений. Например, отец Василий Шауэрман представляет Владикавказское духовное училище. Отец Василий также благочинный Владикавказского благочиния Владикавказской и Ставропольской епархии. Дело в том, что многие вопросы по религиозному образованию являются общими для всех людей верующих. То есть министерство образования, зачастую принимает решения, которые касаются

всех, и бывают позитивные инициативы, которые касаются Русской Православной Церкви, которые также позитивно отражаются и на мусульманах. Кроме того, есть общие проблемы, о которых мы тоже тут говорим, и, на самом деле, общих мест гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда. Я надеюсь, представители православных учебных заведений также выскажутся, может быть, я тоже каким-то опытом поделюсь, так как я также преподаю в Московском Государственном Лингвистическом Университете, мы вовлечены в программу подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. На моей кафедре учатся представители Ингушетии, и, кстати, учатся весьма не плохо. Единственная проблема в том, что, получая наше образование, они идут работать в МИД, а не возвращаются в родной муфтият. Это тоже проблема. Как мотивировать выпускников духовных и светских учреждений образовательных, в которых они специализируются, с тем, чтобы именно работать по специальности. Надо сказать, что это главная проблема во всей этой сфере. Государство выделило большие деньги на поддержку исламского образования, уже два миллиарда рублей было выделено, начиная с 2007 года этот проект идет.

Вовлечено почти десять светских ВУЗов крупных в этот проект, и, в общем-то, хорошее людям предоставляется образование, и сильно удалось поддержать Исламский Университет, однако ключевой проблемой остается проблема мотивации выпускников. Проблема безопасности людей, к сожалению, пока не решена. Продолжают убивать имамов, ведущих богословов, и проблема, конечно, зарплаты. Не всегда у Духовного Управления мусульман есть возможность обеспечить достойной зарплатой будущих богословов. И люди получают хорошее образование и идут в бизнес, в министерство иностранных дел, просто преподавать в светских ВУЗах остаются, но, к сожалению, не работают по специальности. Полагаю, нам надо обсудить, как может государство, как могут религиозные организации все-таки мотивировать людей. Потому что без новых кадров будут проблемы у православной Церкви, будут проблемы у мусульман.

А.В.Саввин (д.ф.н., член экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной при Минюсте РФ)

Хочу остановиться на международной практике привлечения религиозных организаций к решению социальных проблем, которые возникают в различных сферах общественной жизни. Чтобы не быть голословным. В частности, еще со времен Буша-младшего, если брать Соединенные Штаты, участие в программе с 2006 года принимали более 3 000 религиозных организаций в различных сферах. Это финансирование, и решение этих проблем, и адаптационные средства и т.д., то есть весь спектр социальной работы.

В Германии, по различным оценкам, примерно от 40 до 60 % негосударственных организаций, занимающихся социальной работой являются либо католическими, либо протестантскими, либо мусульманскими, то есть, опять-таки, в социальной работе, в социальной сфере очень крупный сегмент берут на себя и конфессиональные объединения.

Это отчасти путь в решении вопросов, в том числе и о корректировке учебных планов, стандартов, проблем подготовки, переподготовки, привлечения людей, закончивших учебные заведения, в том числе мусульманские, и их трудоустройство. Сегодня это тоже одна из серьезных проблем, возможно, что человек будет получать профильное образование и будет способен работать в различных сегментах образовательной деятельности и профессиональной деятельности.

Действительно, Франция, если посмотреть: в 8 000 конфессиональных учебных заведениях обучаются 2 000 000 учащихся. Это 20 % от всего числа обучающихся во Франции, одна пятая. Считаю, что это очень серьезная цифра и, действительно, по оценкам экспертов на эту программу тратится во Франции около 1 млрд евро в год. Именно на конфессиональное образование. Действительно, государство заинтересовано в подобных программах, поскольку эти люди будут впоследствии решать задачи не только своего религиозного исповедания, но и задачи, связанные с социальной работой.

В Российской Федерации ситуация меняется, меняется, к счастью, на мой взгляд, в положительную сторону. В 2012 году, в начале года Путин Владимир Владимирович сказал, что ситуация должна быть изменена и он отметил в одном из своих выступлений, что понимание светскости и понимание отделения Церкви от государства должно меняться.

Я приведу пример. Невзирая на светскость, историю светскости во Франции, это не мешает государству заключать договора и соглашения с религиозными организациями, вести профессиональную подготовку, подключать религиозные организации к решению проблем брака и семьи, оказывать помощь в финансировании строительства религиозных объектов, реставрации религиозных объектов, то есть понятие светскость ни в коем разе не применимо в плане атеистической трактовки. Причем это не наши высказывания, это опыт международный.

В 2012 г. в России начинались и продолжались пилотные проекты, в том числе по преподаванию основ религиозной культуры и светской этики. В целом, обществом эта практика воспринята положительно и получены очень серьезные результаты, но сразу сделаем некоторое отступление. Что касается учебников по светской этике, буквально перед сегодняшним выступлением за несколько дней мне пришлось внимательно просмотреть учебник по основам светской этики. У меня очень много вопросов к нему, к его авторам. Мне кажется, здесь должны обязательно участвовать представители религиозных конфессий. Это очень некорректные определения ценностей, высших ценностей, смысла жизни. Определение такой категории как мораль, нравственность в этом учебнике. Я не говорю, что все это плохо, и это не нужно использовать. Я думаю, что это первый опыт, и нужно авторам говорить спасибо, что они написали этот текст, что он прошел всевозможные экспертизы, что он получил поддержку. Но все-таки, любое издание, оно корректируется, перевыпускается, и в следующих изданиях наша задача принимать участие хотя бы в редакции этого текста хотя бы в отношении

истории страны, оценки исторических событий, участием в них религиозных конфессий, там есть вопросы, там не все однозначно к сожалению.

В чем могут помогать и в чем задействованы религиозные конфессии? Среди россиян, которые придерживаются традиционных религий страны очень четко выражена ориентация на ценности семьи и брака, в разы проценты отличаются. Это позиция, связанная с защитой государства, нерушимостью государства, то есть чувство патриотизма, социальной ответственности у людей, которые причисляют себя к религиям России. Действительно, они сориентированы, на общегосударственные, общественные задачи, гуманитарные задачи. Вот это очень важно.

Стоит сказать, что религиозные благотворительные организации более гибкие, чем организации светские, они быстрее влияют и реагируют на происходящие процессы, доносят свою позицию до органов законодательной и исполнительной власти и влияют стабильно на общественную ситуацию.

Роман Силантьев

Сегодня не хватает людей для такого количества ВУЗов. Поскольку существует переизбыток учебных заведений, то, скорее всего количество в качество не переходит, а наоборот. Надо думать о том, чтобы сконцентрироваться на основных вопросах.

В марте этого года ректора Московского исламского университета Марата Муртазина заявил, что они разворовали полмиллиарда рублей и за это время издали пять книг за пятнадцать лет работы, выпуск всего четыре человека в год и такой бюджет – вещи, конечно, несопоставимые. Есть вот такие псевдо учебные заведения. Надо это понимать, и те рекомендации, которые мы сейчас выработаем, помогут защитить духовную безопасность, как важную часть безопасности национальной.

Нальгиев Алихан

Мы работаем более пятнадцати лет у нас опыт работы имеется, мы преподаем в школах основы религии одновременно мы боролась и со всеми другими негативными явлениями сегодня мы видим насколько дети воспринимают религию, насколько для них является авторитетным преподаватель богослов. Сейчас нет ни одного наркомана в школе, это действительно вопрос религиозного воспитания, духовной культуры, традиционной культуры. Это очень важный потенциал.

Кадиев Расул Ахмедович (правовед) Я предлагал, что не надо воевать, но надо конкурировать, а нужно приглашать к сотрудничеству. Даже не все судьи знают, что в соответствии с гражданским процессуальным кодексом и арбитражным процессуальным кодексом, если стороны согласились пройти процедуру медиации, то на шестьдесят дней откладывается производство. У нас проблема возникла. Я сначала агитировал-агитировал, а когда закон приняли, мы прочитали и поняли, что медиационное лобби его выдвинуло. Чтобы стать медиатором, нужно не просто получить сертификат медиатора, пройти

обучение, а надо состоять в организации, в которой не менее двадцати пяти медиаторов, которая входит в другую организацию. В общем, закон похоронили. А мы его утверждали, потому что это тот самый закон, на основании которого мы могли обучать имамов, они могли получать сертификат, они могли становиться членами медиационных палат и это уже профессия – раз, доход – два, государство могло в этом смысле помочь, но этого не получилось. А так хотелось бы, чтобы в горах. Вы представляете, восемь километров идти пешком до районного суда, который и так уже ликвидирован.... идти пешком, чтобы разрешить спор со своим соседом. Но мы столкнулись с другим вопросом - сколько имамы и Дагестана и Ингушетии разрешают конфликтных ситуаций. Когда мы стали исследовать, сколько же консультаций ведете, потому что я доказывал своим друзьям-экспертам, что у имамов клиентов больше, чем у адвокатов, хотя сам профессиональный адвокат, мы поняли, что у нас нет вообще никакой документации. Да, мы видим эти очереди, да мы видим ход вопросов, потом надо было бы оценить эффективность. Мы с одним имамом провели такой эксперимент, мы вели совместную консультацию, он по шариату разрешал семейные споры, а я советовал, ну, не против, а какие есть инструменты в законе, и мы поняли, что никакого противоречия нет.

Я просто как юрист по этой политической стезе говорю о социальной роли будущих имамов и о том, что государство должно помогать в этом вопросе

Протоиерей Василий Шауэрман (ректор Владикавказского духовного училища протоиерей)

Мы, конечно, можем вкладывать огромные деньги, большие деньги в имамов представляющих традиционный ислам, однако, уже встал вопрос об их охране. Конечно у любого человека, в том числе и у того кто придерживается радикальных взглядов есть папа и мама, конечно надо спрашивать с этого рода.

Мы сталкиваемся с тем, что молодые люди становятся безответственными. Интересно разобраться, как получилось, что криминогенная ситуация только учитывает количество покушений на имамов, террористических актов и актов экстремизма, хотя считают они тоже странно, но никто не смотрит на криминогенную ситуацию саму...

Вот в национальных, в мононациональных республиках, конечно, в этом отношении, я так понимаю, ситуация гораздо лучше, но если мы хотим решать такие масштабные вопросы, об этом тоже надо серьезно говорить, о присутствии религии сегодня в школе. Если это курсы основ религиозной культуры, очень важно. Мы, например, ощущаем глубокую, с одной стороны, потребность и большая часть населения в Осетии, это же православная республика, 80 % идентифицируют себя с православием, 75-80%. Собираются родители, каждый из них имеет право, чтобы его ребенок получал конфессиональное образование в школе. Но, к сожалению, реализовать эти желания подавляющему большинству родителей до сих пор никак не

получалось. На мой взгляд, этому вопросу на наших национальных окраинах, вообще в общероссийском масштабе, нужно уделить большое очень внимание, очень сложно идти сегодня в школы, и понятное дело и информационные атаки проводятся на Церковь. Чиновничий аппарат, с ним очень трудно говорить на эту тему. Слава Богу, частным образом где-то в школах это удастся, есть несколько школ, где удалось достигнуть соглашения. И мы изыскиваем возможность, директор школы, профинансировать, но в общероссийском масштабе, конечно, об этом еще сложно говорить. Конечно, цифра в 20-30 миллионов на религиозное образование тоже привлекает, не знаю, как осваивать эти суммы. В кулуарах нашего разговора, я уже слышал, что не все эти средства идут непосредственно на образование, но тем не менее, все равно финансирование – это основа, потому что увы, в этом году нам пришлось православную гимназию, по сути среднее звено, она имела уже перерасти в полноценную школу, пришлось ее закрыть. То есть остался только начальный уровень. Нет финансирования. Это сложный вопрос. На это нужно обращать внимание государства. То есть без целевых вливаний в сферу, в том числе и религиозного образования, мы этот вопрос не решим, сколько бы мы не говорили о том, что это хорошо. Да, безусловно, есть запрос, есть огромная потребность, и мы сегодня сказали, что нужен такой посредник между религиозным образованием и обществом. Училище северокавказское все время создавалось с целью воспитывать человека, который мог бы именно в Осетии возглавить религиозные общины, основываясь на национальной культуре, зная язык, зная ментальность.

Роман Силантьев

Нужно успеть обсудить предложенную проблему высшего образования, проблему обучения за рубежом, о чем мы и договаривались.

-наверное, лучше бы по этому поводу выступили товарищи из Духовного Управления. В данном случае могу сказать одно: опыт показывает, что негатива больше, когда мы посылаем студентов за рубеж, и это вряд ли кто сможет оспорить. Пример – то, что у нас происходило в Чечне, в Ингушетии, в Дагестане, в других регионах. Сейчас это Средняя Азия, Таджикистан. В данном случае сидится то, что мы обозначили. Самое мягкое предложение по этому поводу, посылать туда только тех, кто имеет фундаментальную базу, полученную на территории России. Чтобы он был как скала, скажем так. Наверное, все-таки надо усилить свои высшие учебные заведения. Об альтернативе, наверное, представитель Духовного Управления скажет.

Аушев Хасан

-Я думаю, лучше было бы, и закон нам это позволяет, привлечь специалистов из-за рубежа, вполне это позволительно, и из федерального центра, и из местных бюджетов, я имею в виду финансирование из местных

бюджетов, здесь нужно должное внимание уделить и здесь же организовывать высококвалифицированные ВУЗы этого направления, привлекая из-за рубежа. Вот это уже у нас в Дагестане постоянно практикуется, и приглашаются специалисты, достаточно хорошо, успешно. Далее мы планируем здесь даже аспирантуру, докторантуру открыть, чтобы могли защитить диссертацию. И такое планируется вполне подконтрольно Духовному Управлению, и здесь ведь более эффективно это было, чего мы все боимся, безопасно было бы. Но в силу совместного опыта, обмениваясь опытом все регионы, чаще нужно круглые столы. В Москве, к примеру, разделение на татар и прочих, не очень это пользу несет в целом для совместного проживания, друг друга в данное время, руководитель религиозной организации, будучи в какое-то время в Чечне, в Ингушетии, в Дагестане ли, он для всех станет своим. Столичный имам мечети. Таким образом снять этот весь вопрос. И по вопросу единого образовательного направления тоже поспособствовал бы. Объединить всё не так уж легко, конечно, специфический подход к этому нужен, но в целом это вполне возможно и полезно было бы это направление.

Султыгов Ахмед Алиевич и.о. начальника отдела по связям с общественностью Администрации Главы Республики Ингушетия

- Вы знаете, поменялась ситуация, духовные наши служители говорят, приглашайте нас специалистов из-за рубежа, с чем я категорически не согласен. Они принижают свой авторитет. Я считаю, что наши специалисты, религиозные деятели, которые у нас сегодня существуют, которые у нас испокон веков существовали, они ничем не хуже, тех, которых мы сюда привозим, это, во-первых. Во-вторых, что касается ответственности ...Какую вы ответственность несете за тех людей, кого Вы приглашаете? Откуда вы знаете кто они, что они? Зачем нам нужны специалисты извне, когда у нас есть специалисты высокого класса. Я считаю, на основе, на которой мы учились, на основе, на которой мы воспитывались. Почему сегодня такая тенденция пошла: для чего чтобы мы стали грамотными, надо приглашать кого-то оттуда? У нас свои есть корни, у нас есть своя специфика территориальная, они не могут эту специфику территориальную переломить. Ислам, который утверждался на нашей территории, он, может быть, противоречит им. Для чего они нам нужны, я просто всегда задаю вопрос? Мне говорят, что нам нужны специалисты, что мы чего-то не знаем. Мне кажется, что мы знаем гораздо больше них в рамках того, чего нам нужно. И то, что касается образования. Уровень образования в этой сфере надо поднимать. Почему? Потому что сегодня духовный служитель, специалист, он должен быть всесторонне развит в чем. Развита в чем? Он должен быть психологом, он должен быть очень чутким историком, он должен знать историю нашей страны, как зарождался ислам здесь, и он должен нести это для нас. Мне не интересна история арабских стран, как он зарождался, потому что я воспитывался в этой стране. И я сегодня хочу, чтобы мой ребенок воспитывался именно в тех условиях, которые были даны, в которых зарождался ислам здесь. Что нормально для них, негативно для нас. И никто со мной не будет спорить, что был коммунизм, и я еще от своего отца помню, что

он никогда не ложился спать, чтобы хотя бы минут тридцать не читать про себя, хотя мы жили далеко, за пределами, на Крайнем Севере. И суть в чем? Тогда не было у нас не ваххабизма, не экстремизма. Как только начали приглашать сюда людей мы и столкнулись с той проблемой, которую мы сегодня и имеем. Чему они нас учат? Чему они нас могут научить? Чего вы не знаете, что знают они? Поэтому для чего они нам нужны? Я всегда задаю этот вопрос. Я не хочу, чтобы они приезжали туда и мы своих людей отправляли туда.

Я хотел бы еще добавить, что давайте мы сейчас обратим внимание на арабские страны. Там постоянно ведутся междоусобные войны, постоянно. Этого на территории нашей страны никогда не было. Я говорю опять же потому что, пока мы не открыли для них свои границы. У нас всегда была веротерпимость, мы всегда были толерантными, мы всегда находили общий язык между собой. Сейчас возникают конфликтные ситуации, у нас получается, что брат на брата начинает руку поднимать, у нас полная дестабилизация обстановки. Поэтому знаете, религия – это кровь, она должна жить, а зараженная кровь может ее только испортить. Поэтому давайте мы эту зараженную кровь сюда пускать не будем. Я еще хочу сказать, что лучше наших деятелей религии нет и не будет, потому что в течение долгого времени их образование и мудрость позволяли то, что у нас на территории никаких конфликтных ситуаций не было. Как только мы запустили их сюда... Они там у себя воевали, убивали, беспределом занимались. И пусть дальше продолжают. Слово Божие не оттуда к нам пришло, к нам его Аллах послал. Поэтому мы на своей территории сами разберемся, поэтому я негативно отношусь к тому, что кто отсюда туда едет, кто оттуда сюда приезжает. У нас свои хорошие религиозные институты есть, своя хорошая власть есть и ее надо развивать. Дело в том, что ее надо финансировать, ее надо защитить. И уровень специалистов, которые несут слово Божие, его надо поднимать. Я опять же говорю, эти люди, они должны быть всесторонне развиты, должны знать религию других стран, должны знать культуру других религий. Они должны быть психологами тонкими, особенно если они преподают в детских учреждениях. Между ними должна быть непрерывная постоянная связь, а не только между христианством и мусульманством, и иудеями. Мне очень интересно узнать, как зарождалось и развивалось. Поэтому основным направлением нужно делать образование, а не тех специалистов, которые к нам приезжают со своими идеями. Это заблуждение полное.

Кадиев Расул Ахмедович

-Здесь именно речь идет о высшем образовании и в любом случае говорить о том, что мы лучше всех не очень красиво будет. В связи с этим в Дагестан пригласили специалистов. Как раз таки по приглашению муфтия республики Дагестан, и зная именно, кого приглашать. И они будут подконтрольны Духовному Управлению. Также здесь конечно в открытые ворота впустить, кого попало, мы в 90-х годах видели, к чему это все привело.

Эта зараза нам из-за рубежа пришла в наши республики. В действительности, скажу у себя здесь практиковать и необходимо пригласить специалистов.

-Вот зарубежное образование. Действительно в Москву приглашать китайцев или людей других национальностей для преподавания экономики и других направлений это мы должны приветствовать. Есть традиции, заложенные с давних времен, но исламское образование сейчас только зарождается. Если не нужны специалисты, наши богословы могут соревноваться с богословами восточными, с представителями арабских стран в юриспруденции, в грамматике, но не в хадисоведении. Эти направления у нас на Кавказе, в частности, а Кавказ является основной базой религиозного образования в России. Вот эти направления, хадисоведение у нас почти не практикуются и приходится прибегать к помощи богословов из восточных стран. Что касается выезда и обучения наших представителей за рубежом, тоже в этих странах. Мы категорически против, чтобы после школы сразу люди уезжали, категорически против. Сегодня люди, которые туда уезжают за рубеж, кто их контролирует. Мы, Духовное Управление задаемся вопросом, кто их направляет? Кто им дает разрешение. Мы знаем, что Духовное Управление никто не просит. Мы предлагаем следующий вариант: давать разрешение, только после того как данного абитуриента аттестуют здесь, проверяют его на предмет необходимости. Он получит разрешение Духовного Управления – после этого пускай уезжает. Можно на договорной основе. А так просто, захотел – уехал. Приехал – распространяет то, что он там нахватал. Мы против этого. Категорически против.

Светличный Василий

- Вопрос так стоит почему? Потому что уезжающие действительно абсолютно неконтролируемы нами: Российской Федерацией, Духовным Управлением, министерством образования. Они бесконтрольны, и мы не знаем их судьбу. Были попытки предприняты как-то наладить эту работу. Предлагалось выйти на межвузовский уровень, связи усилить, чтобы договаривались на уровне местных ВУЗов на предмет приема абитуриентов, но это не удалось. Большие расходы, в любом случае, здесь нужно, что бы государственная власть взяла на себя, вмешалась. Если эта практика у нас будет развиваться. Контроль за выездом должен быть тотальным не только со стороны духовенства, но и государства.

Кадиев Расул Ахмедович

-Кто, какая организация может контролировать поток. Он ведь с потоком уезжает. В любую страну, в Турцию, в Египет, получив визу он может уехать. Молодой человек – нельзя, такого же нету. Как может контролировать Духовное Управление или другое ведомство данный поток.

Роман Силантьев

-Поэтому мы и собрались, чтобы совместно принять меры, которые бы позволили запретить бесконтрольный такой выезд. Выехать мы не можем запретить, страна такая, что мы не можем сейчас ограничивать права других людей. Любой может выехать туда и обучаться сейчас без нашего ведома. Любой может выехать в любое место, получить образование, вернуться обратно. Дело в том, что как мы будем здесь распространять – это уже другой вопрос, это уже вопрос к спецслужбам относится и к корректности тех учений, которые они будут нам нести. Вопрос в другом, давайте не будем забывать, что существует внешняя угроза, и она сегодня используется. Существует страна, прекрасно знаем, что у нашей страны есть много врагов. Одолеть нас физически не получается, потому мы являемся сверхдержавой. Поэтому предпринимаются меры против религии. Мы прекрасно знаем о тех акциях, которые проводились против Церкви в Москве и проводятся. Мы прекрасно знаем о тех мерах, которые в отношении нас, мусульман, предпринимаются. Я призываю просто, давайте будем внимательными, давайте со всех сторон посмотрим за той. Давайте посмотрим, что мы можем сделать сами, а то, что мы не можем сделать сами, то, что необходимо. Зачем отправлять туда десять человек, такие деньги платить, чтобы получить. А не проще ли нам отправить одного человека и контролировать его здесь, чем контролировать двадцать-тридцать человек. Нам, во-первых дешевле обойдется в плане финансов, потому что как говорилось, деньги надо считать, а во-вторых, мы здесь будем его контролировать. Вы будете видеть, что он преподает, вы будете слышать, что он преподает, вы будете знать, куда он ходит, что он делает, чем мы отправим десять-двадцать человек, и не будем знать, чем они занимаются и какими они приехали. У меня такое предложение. Я, может быть, далек от действительности.

Кадиев Расул Ахмедович

- И все-таки получается это интересно у нас. При Духовном управлении был экспертный совет. Этот совет любую на любую издаваемую книгу, исламскую литературу давал добро, но, у сожалению, под давлением этот экспертный совет пришлось нам упразднить. В Дагестане очень много учебных заведений, дай Бог, чтобы их было еще больше. Но нет единого центра, который бы управлял ими под единой программой. Мы живем в светском государстве, мы всех признаем, есть юридическое поле, обо всем мы можем говорить, но прежде чем зарегистрировать учебное заведение, при мечети или где-то путь первой резолюцией там будет Духовное Управление. Иначе в республике хаос всегда будет. Мы лицемерны. Почему я так считаю, потому что мы днем говорим одно, вечером делаем другое. Наоборот, мы должны показать красоту ислама, чтобы люди смотрели на нее. Не отпугивались этим учебным заведением, а наоборот туда приводили самое святое – детей. А почему они отпугиваются? Это учебное заведение не подчиняется Духовному

Управлению. Но другое учебное заведение действует, а то, которое под нашим контролем, его в любой момент может закрыть прокуратура. Мы сегодня должны говорить истину, что есть у нас сегодня. Почему наши дети, это наше будущее, они берутся за оружие, где, в каком исламе сказано, что нужно браться за оружие. Мы не можем оставить этот учебный процесс, чтобы тому или иному учебному заведению дало оценку Духовное Управление. Мы хотим, чтобы учебные заведения были в каждой республике по три, по четыре, по пять. Да, они будут, никто не может сказать, чтобы запретили учиться исламу. Мы наоборот призываем к этому, но подконтрольно оно должно быть. Да, я понимаю, прокуратура не дает разрешение, через суд они добиваются. Контролировать это должны те специалисты, которые знают. У нас в Духовном Управлении закрыли совет и благодаря этому издают любую литературу, завозят любую литературу. Читают дети эту литературу и берутся за оружие. Давайте сделаем единый центр: в каждой республики Духовное Управление и при Духовном Управлении учебное заведение.

Чапанов Алаудин

- Посмотрите, у нас есть учебные заведения, например, с математическим уклоном, почему у нас нет высших учебных заведений с религиозным уклоном. Пусть там люди будут также заниматься физикой, химией, математикой, но всегда будет присутствовать нота религии, то есть высшее учебное заведение с религиозным уклоном. Если у нас на государственном уровне не будет принят такой закон, у нас постоянно будет борьба. Почему у нас не может быть хорошего религиозного института, где помимо религии тем же самыми религиоведами будет преподаваться физика, химия. Также хочу сказать, если человек, получивший образование за границей не будет рассуждать как дагестанец, как чеченец, если он получил образование там, он будет мыслить как араб, а не как ингуш. Арабские страны – это другое, поэтому мы должны свою самобытность сохранить.

Кадиев Расул Ахмедович

- На самом деле, очень плохой пример проверка на эффективность. Дело в том, что в Дагестане единственный Дагестанский Государственный Университет прошел проверку. У нас Ливанов был, министр образования два дня, понедельник и вторник до вечера. Сам ректор Дагестанского Государственного, очень интеллигентный, грамотный человек, Университета перед нами выступал и он объяснял, что критерии, которые были поставлены, были поставлены так, что ВУЗы, у которых направление литературное или творческое, они заведомо могли не пройти это. Потому что один из критериев, наличие иностранных студентов, не менее 0,7 %. Но правильно Вы обратили внимание, что лицензировать нужно. И сразу возникает вопрос: запретить, не запретить. Тут опять же экономика. Тот, кому запретили преподавать в университете, он может спокойно... У меня есть один знакомый, кандидат

юридических наук, очень известный в Дагестане педагог Он мне говорит: «Я принципиально не пойду в школу преподавать». Он триста рублей в час за одного ребенка получает. Он преподает химию, геометрию и даже в религиоведении разбирается. Хорошие книги написал и, в принципе, ему приходится разговаривать. Помните, была такая справка Центра стратегических исследований Российской Академии Наук по поводу роли ислама в Российской Федерации, в Российском образовании? Там отмечалось, что часто исламское образование ассоциируется только с национальным. В Дагестане свое, у ингушей свое. Одни говорят правильно, другие говорят неправильно. Одни говорят, давайте хороший Университет создавать в Нижнем Новгороде, а другие говорят, почему бы не создать Северокавказский Университет, где бы учились и ингуши, и чеченцы, и дагестанцы. И первое предотвращало какие-то межнациональные конфликты: учились бы вместе, второе, действительно у нас, некое базовое общее. Если не Университет, не замахиваться, среднее специальное образование. Двухлетнее, типа бакалавриата, что-то такое.

А.В.Саввин

- Я просто парирую. Я не защищаю Росособнадзор, у меня у самого много вопросов к тому, как это делается. Но правду сказать. Там было выбрано пять прозрачных критериев и ВУЗы считались неэффективными только в одном случае, если они не соответствовали четырем из пяти. Я считаю, для первого мониторинга ВУЗов это джентельменские некие такие соглашения. Да, там есть вопросы, ряд творческих ВУЗов был поставлен в заведомо проигрышное положение: консерватория и т.д. Но у нас сегодня не об этот речь. Второй вопрос, который здесь звучит: Вы знаете, все-таки просто по опыту Казани. Высшее учебное заведение чувствует себя комфортнее и лучше, чем среднее специальное, потому что если ВУЗ вправе дать диплом о высшем образовании, если он вправе дать какую-то дополнительную специальность, то среднее специальное учебное заведение, как правило, такого сделать не может. Единственное, как можно среднее специальное образование здесь поднять, если это многоступенчатая подготовка. Это среднее специальное учебное заведение, встроенной в ВУЗовскую систему. Тогда потенциальные выпускники среднего специального учебного заведения мусульманского будут 80% идти дальше получать образование, получать дальше диплом ВУЗа. Возможно это некий выход: с одной стороны спасти среднее специальное, с другой стороны усилить ВУЗ. И, на самом деле ВУЗ один большой, качественный, хороший может быть на территории один-два не больше, когда их десятки, размывается сама идея и не будет ни качества, ни абитуриентов, ни потенциала преподавательского.

Кадиев Расул Ахмедович

- Родители постоянно приходят в Духовное Управление и говорят: «Мой ребенок хочет уехать за рубеж после школы». Мы им настоятельно советуем:

пускай обучается у нас, потом уезжает в Сирию, в Египет, куда хочет. Но если бы был большой ВУЗ Северокавказский с большим потенциалом, материально-технической базой, сильным преподавательским составом. Я сам учился в исламском институте..., институт это закрылся, с 1992 года по 1998 год существовал этот институт. Там были преподаватели из Египта, приезжали преподаватели, по два года они нам преподавали, уезжали. Ни одного вопроса негативного от них я не получил, но я получил много пользы. Приехали из Египта большие ученые. Запретный плод сладок, как мы знаем, но мы можем рекомендовать, мы можем выносить решения. Выезд за рубеж сейчас единичные случаи. Мы не видим, что люди стремятся туда уезжать. Там, в Египте, может быть. Те люди, которые учились и приехали, такие люди тоже у нас есть. Мы на них опираемся, их слово, я там учился. А проблему вероубеждения, мы затрагивали этот вопрос. Большая проблема, что молодые люди берут материал из интернета. Ни в каком религиозно учебном заведении не учился, информацию он берет в интернет. Ребята слушают того или иного оратора или богослова, я им советую послушать Али Джифри, вот он реально излагает правильно и на доступном языке, он очень даже подходит к ситуации. Через некоторое время они мне говорят, знаешь, я многое понял, я осознал, что я не на правильном пути, поэтому мы должны найти самое полезное.

Шхануков Анзор Мубинович

- Я из Кабардино-Балкарии, исламского университета преподаватель. На примере нашего университета я хотел бы сказать, что ребята, которые со мной закончили наш университет исламский, сейчас успешно учатся в исламском университете республики Турция. Я согласен, что пускай сначала узнает наши традиции, а потом едет продолжать обучение за границей. О тех людях, которые совершают теракты. Хотел бы заметить, что среди них нет образованных. Я хотел бы, чтобы всю вину не возлагали на тех, кто учился за границе. Не все оттуда возвращаются с радикальным мышлением таким.

Р.А.Силантьев

- Действительно, далеко не все люди, вернувшиеся из-за рубежа завербованы или попали в какие-то плохие руки. Их сложно сказать, но где-то около трети. И сразу стало понятно, в какие страны стоит людей посылать, в какие нет. Например, лучшие результаты дали люди, отучившиеся в Сирии и в Иордании. О Турции много хороших отзывов. Не все турецкие учебные заведения хорошие, есть и сектантские, когда-то Университет Алжирский котиrowался, но постепенно факультет стали салафиты захватывать и сейчас, понятно, посылать уже туда никого не стоит. В смысле того, что мы не знаем, кто там чему учит, что там происходит и оттуда стали возвращаться люди с радикальными взглядами. Самую худшую репутацию имеют люди, отучившиеся в Саудовской Аравии. Больше всего жалуются на них, и это является плохой приметой. В Мединском Университете и ряде других.

Говорил на эту тему ректор Российского Исламского Университета Рафик Мухаметшин о том, что даже если они не обучаются идеологическим диверсиям, особенности преподавания в Саудовской Аравии нацелены на моноконфессиональное государство с определенной спецификой. То есть людей учат жить в определенном обществе, в котором нет ваххабитов. И когда они возвращаются обратно, у них когнитивный диссонанс происходит, а как с теми же христианами себя вести, как вести себя с неверующими. Действительно, такие проблемы для адаптации. И, в общем-то, сейчас целый ряд исламских структур отказался от посылки людей за рубеж. Помимо Духовного Управления мусульман Дагестана, об этом говорилось и на съезде Центрального Духовного Управления. Они тоже отказались от зарубежного, они, конечно, сотрудничают с Турцией, но теперь человек, желающий стать там имамом, должен получить образование в России, причем далеко не во всяком медресе. Российские медресе тоже бывают разные, все помните медресе Йолдыз из Набережных Челнов, где террористов готовили, медресе Аль-Фуркан в Бугуруслане. Сейчас очень дурной пользуется репутацией Нижнекамское медресе, пытались его вернуть в орбиту нормального ислама, но не удалось пока. В Москве, в Зеленограде был колледж Расуль Акран, который, кстати, Саид Бурятский оканчивал. Тоже имел репутацию скверную, его закрыли теперь, медресе, которое террористов готовит. И действительно, сейчас в Сирии проблема. У нас все меньше стран, в которые можно посылать людей. Я в свое время наоборот предложил из Сирии привезти богословов в Россию. Но вот сирийский муфтий, я с ним встречался в Уфе, наоборот полон оптимизма и считает, что они еще отобьются, и приглашал наших студентов. Вот это будет важно, если они отобьются, потому что Сирия – важный оплот традиционного ислама и жалко будет ее здесь потерять. Напоследок хочу сказать, что многие проблемы испытались, с отправленными за рубеж людьми. Мне муфтий Шафиг Пшихачев в Кабардино-Балкарии рассказывал мне, как он такого Анзора Астемирова отправил за рубеж учиться в надежде, что тот станет его сподвижником, а тот вернулся уже террористом и возглавил террористическое подполье. И масса таких случаев. В Дагестане Муртазали Магомедова отправляли учиться, в надежде, что он станет таким богословом, а он перешел на сторону салафитов и наоборот стал призывать уничтожать тарикатистов. Таких случаев по стране сотни, когда пожилой имам отправлял своего преемника подающего надежды учиться, тот возвращался, тут же выгонял его из мечети, объявлял кяфиром. Мы видели, что в Осетии произошло, когда отучившийся в Саудовской Аравии муфтий чистосердечно признался: мы объявили предыдущего муфтия неверным, захватили власть и теперь у нас все хорошо. Но, слава Богу, это откровение ему стоило должности, но имам с Саудовским, с Катарским, с Кувейтским образованием зачастую вызывает вопросы большие.

А.В.Саввин

- Спасибо, Роман Анатольевич. Я вижу желание Хасана Умаровича Аушева сказать, тем более что он сочетает в себе две очень важные роли, и

преподавателя, и руководителя интернет-портала, поэтому, я думаю, его слово будет крайне важно сейчас.

Аушев Хасан Умарович (*преподаватель Исламского института им. имама Ашафии, руководитель интернет-сайта islam.ing*)

-Знаете, саму постановку вопроса такого противопоставления зарубежного образования и отечественного образования считаю немного не корректной. Патриотизм – это хорошо. Я преподаватель ВУЗа, я заинтересован, чтобы мой ВУЗ, был лучшим в России в мире, но реальность такова, что с ведущими ВУЗами Сирии, Иордании, Турции мы конкурировать не можем. Потому что наш ВУЗ насчитывает десять лет, а они вековую историю. В этом случае, обмен опытом, они переболели этой болезнью, выработали какой-то механизм сопротивления этой болезни, посылаем туда проверенных людей, которые могут перенять опыт и применить его к нашей действительности. Во-вторых, отказаться от зарубежного образования, Духовный центр мусульман Ингушетии, у нас с 2008г. никого не посылают за рубеж, значит ли это что люди не уезжают? Уезжают люди. И если раньше Духовный Центр знал, кого посылают ВУЗы, в данном случае они сами уезжают, и никто не знает, где они учатся и что они делают. Принимаем мы диплом или не принимаем. Самая большая проблема в том, что кто оттуда приезжает и распространяет эти идеологии, они не имеют диплома, до конца не отучились ни в одном ВУЗе. Те студенты, которые от Духовного центра мусульман Ингушетии отучились, приехали, к примеру, у нас зам. муфтия является выпускником Аль-Асхара, в администрации президента работает выпускник Аль-Асхара. Также есть, которые Мединский Университет заканчивали, в Мекке учились. Те люди, которые были посланы Духовным центром мусульман, они отучились, и сейчас вносят свой вклад в развитие духовного образования республики. Но те люди, которые выезжают неподконтрольно, и не отучившись – вот это самая большая проблема. В данном случае, запретить выезд за рубеж нельзя. Поэтому здесь речь идет о том, как контролировать поток, и как уменьшить те негативные последствия, которые они несут нам. Полностью отказаться посылать, реальность изменилась, есть интернет.

Кадиев Расул Ахмедович

-Я бы хотел дополнить об образовании за границей. В 2000 году у нас были студенты, которые даже не могли поступить в институт, в течение 5-6 лет там пробыли.

Сама программа мусульманского образования, она на каком уровне должна быть? Много возникает вопросов. Есть же арабские страны, которые финансируют джихад. Как противостоять таким вызовам, и на каком уровне люди должны ответить. Те богословы, которые должны подготавливаться, уровень для них. Почему у нас, если есть исламское образование, мы сами не можем дать конкретные богословские ответы. Применение секции мусульманского образования в России.

Р.А.Силантьев

-Можно, я вот отвечу. У нас действительно России часто объявляли джихад. Любая война с Османской империей у нас сопровождалась объявлением джихада. Когда Первая Мировая Война началась, Турция воевала на стороне Германии и, естественно, объявила нам джихад. Тогда в России было три муфтия, шейх-уль-ислама. Все они выступили перед своей паствой, все они эту фетву денонсировали, а поскольку они имели авторитет высокий, государство же и следило за тем, чтобы их не обижали. И естественно, это очень положительно сказалось на настроениях мусульман, и редкие были случаи, когда мусульмане Российской Империи послушали фетву из Стамбула. И поэтому мы и говорим, что российским властям нужно авторитет мусульманского духовенства поддерживать, не давать их оскорблять. Чем выше будет авторитет, тем сильнее будут слушать люди. Ну, а что по Кардави. Объявил Россию врагом ислама. Теперь мы оправдываемся почему-то, скорее из Махачкалы привезли документ, документ хороший, но почему привезли заместителя Кардави на эту конференцию? Почему он от мусульманских богословов выступал. Что у нас нет богословов, не связанных с Кардави. По его заявлениям он то ли в маразме находится, то ли полностью работает на Америку. Так оскорблять нашу страну, причем не первый раз, и при этом рассказывать, что он борется у нас за мир во всем мире. Вызывает удивление, что его людей привлекаю к подобного рода вещам.

Кадиев Расул Ахмедович

-Касательно, Кардави. Мы года полтора ждали приезда, хотели увидеть президента этой организации. Вместе с генеральным секретарем, заместителем Кардави, приехали Документ озвучивает, что в действительности есть республики Российской Федерации, которые исповедуют ислам и в действительности, здесь нет запрета, на исповедание ислама, и он говорит, что готов поддержать. Призыв можно было бы зачитать или Вы ознакомитесь на сайте. В действительности это очень хороший документ и обещали приезжать и вместе решать, вести работу. Стоит на это внимание обратить.

РЕКОМЕНДАЦИИ

По итогам круглого стола «Исламское образование: проблемы и пути их преодоления. Законодательное и нормативное правовое регулирование»

Участники круглого стола «Исламское образование: проблемы и пути их преодоления. Законодательное и нормативное правовое регулирование»

состоявшегося в г.Магасе 22 ноября 2012 года по итогам обсуждения актуальных проблем современного исламского образования в России приняли следующие **рекомендации**:

1. Поставить вопрос о необходимости получения нескольких специальностей выпускниками мусульманских учебных заведений и мотивации трудоустройства выпускников по основной специальности.
2. Считать важной задачей поиск путей финансовой государственной поддержки, включая разработку изменений в законодательстве, для увеличения количества специальностей в мусульманских учебных заведениях и программ по трудоустройству и повышению общественного признания деятельности имамов мечетей.
3. Обратиться к органам государственной власти с предложением считать одним из приоритетных направлений деятельности обеспечение безопасности духовных лидеров.
4. Рассмотреть возможность преподавания выпускниками медресе предметов по религиозной культуре в средних общеобразовательных школах с условием необходимой переподготовки и сертификации уполномоченными сотрудниками органов образования и духовных управлений мусульман.
5. Усилить преподавание правоведческих дисциплин в мусульманских духовных учебных заведениях с целью возможного дальнейшего привлечения выпускников к работе по повышению правовой грамотности населения и решения задач по медиации (*технологии урегулирования споров с участием третьей стороны*).
6. Считать необходимым введение периодической сертификации преподавателей мусульманских духовных учебных заведений со стороны духовных управлений мусульман
7. Среди мер, направленных на предотвращение негативных моментов зарубежного религиозного образования, участники круглого стола видят в обязательном получении базового образования в России в отечественных мусульманских учебных заведениях и считают необходимым направить усилия духовных управлений мусульман и органов государственной власти на обеспечение контроля выезда за рубеж для получения религиозного образования.

СТЕНОГРАММА ОСНОВНЫХ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ КРУГЛОГО СТОЛА

**"Исламское образование: проблемы и пути их преодоления.
Законодательное и нормативное правовое регулирование"**

11 октября 2012 года, Казань

Рафик Мухаметшович Мухаметшин (Ректор Российского исламского университета, профессор, доктор политических наук): Уважаемые участники круглого стола, на самом деле проблема религиозного образования, я думаю, не только исламского, в России действительно является актуальной, мы все это прекрасно знаем. То, что различные учебные заведения заинтересованы в обсуждении проблем религиозного образования это вполне естественно, поскольку, когда мы говорим «подготовка современных религиозных деятелей», то подразумеваем подготовку не только мусульманских богословов, но, например, и христианских богословов.

Мне кажется, сейчас в обществе есть понимание того, что сфера, казалось бы, сугубо конфессиональная - сфера религиозного образования, постепенно становится проблемой всего общества, поскольку от того, как мы профессионально занимаемся подготовкой кадров, зависят те процессы, особенно трансформационные процессы, происходящие в мусульманской умме России.

Чем меньше профессионально готовящих кадры учебных заведений, тем больше почвы для радикализации современной мусульманской молодежи. Это в обществе сегодня уже понимают, и есть озабоченность со стороны и государственных структур, и различных учебных заведений, поскольку проблема воспитания молодежи – это задача всего общества, проблема воспитания молодежи – это задача государства в целом, это задача институтов гражданского общества.

Конфессиональная политика – это взаимоотношение государства с различными институтами (то есть конфессиональная политика всегда должна быть субъектно-конфессиональной политикой, а это значит учитывать, кто сегодня определяет эту сферу, сферу конфессиональных отношений).

Вот сегодня уже школа стала, как мне кажется, субъектом конфессиональной политики, поскольку в школах ввели этот предмет. Школа должна формировать свое отношение не только к этому предмету, а к конфессиям вообще и т.д.

С этой точки зрения система религиозного образования, система мусульманского образования стала нашей общей задачей, нашей общей проблемой.

Что касается достижений и проблем, может быть, система мусульманского образования институционально уже выстроена. Можно сказать, что сегодня в Российской Федерации более чем достаточно религиозных учебных заведений, может быть где-то даже их многовато, но, тем

не менее, мы институционально выстроены, эти институты уже есть. Это действительно большое достижение.

Сегодня речь идет о том, что существующие религиозные учебные заведения мы должны ввести в существующее в России правовое пространство.

Что касается ВУЗов, мусульманских высших учебных заведений, в России их, в принципе, не так уж много пять-шесть исламских институтов или университетов, они есть. Следует признать, что в принципе, им в какой-то степени легче, поскольку они все находятся под эгидой Министерства образования России, получают лицензию, если они работают по государственным стандартам, проходят аккредитацию, и здесь для них единое правовое пространство четко обозначено. И многие существующие исламские университеты или институты уже в это правовое пространство вошли.

Сегодня работает федеральная программа углубленного изучения ислама 2007 г., которая как раз нацелена на поддержку исламских высших учебных заведений. В рамках этой программы мы уже работаем с 2007 г.

В программе участвуют государственные ВУЗы, ВУЗы-партнеры, и в рамках такого взаимоотношения с государственными ВУЗами, по крайней мере, наш Российский Исламский Университет, вошел в это единое правовое пространство. Мы имеем лицензию, мы уже прошли аккредитацию, готовимся ко второй аккредитации, открываем новые специальности. Из сказанного становится ясно, что с ВУЗами правовые вопросы в какой-то степени уже отрегулированы.

Однако сегодня, когда мы говорим о проблеме мусульманского образования, нас волнуют, прежде всего проблемы среднего звена, т.е. медресе. Здесь действительно проблем очень много. Начиная с того, сколько лет они должны обучать, т.е. лицензирования, заканчивая вопросами аккредитации, т.е. кого они выпускают?

Необходимо принципиально определиться о дальнейшей перспективе развития медресе. Развивать медресе как сугубо религиозные учебные заведения, или рассматривать вопрос их аккредитация, чтобы они получали диплом, признанный государством, и вообще, в дальнейшем выстраивать взаимосвязь средних специальных учебных заведений, медресе, с российскими ВУЗами.

Сегодня, к сожалению, здесь каких-либо четко устоявшихся решений у нас нет. Как раз наш круглый стол проходит перед заседанием совета по исламскому образованию 17 октября в Уфе. Вы знаете, что в мае, в связи с уходом Марата Муртазина, произошли изменения, меня избрали председателем совета по исламскому образованию. В таком формате совет еще ни разу не собирался и впервые это произойдет в Уфе. Как раз среди основных вопросов совета по исламскому образованию есть вопрос о взаимоотношениях средних специальных учебных заведений с ВУЗами.

В этом контексте стоит признать проблему выстраивания единых образовательных программ. Для ВУЗов мы, в принципе, это сделали и будем образовательные программы совершенствовать. Единые образовательные стандарты для ВУЗов у нас есть.

К сожалению, для средних специальных учебных заведений таких стандартов нет. Совет по исламскому образованию одной из своих первых задач, скорее всего, обозначит необходимость выстраивания образовательных стандартов для средних специальных учебных заведений.

Это не просто образовательные стандарты, они должны быть в связке с высшими исламскими учебными заведениями, чтобы мы могли для выпускников медресе дать возможность продолжить обучение в высших исламских учебных заведениях не с первого курса, но хотя бы с третьего курса, т.е. здесь должно быть совмещение образовательных программ. И это очень важно.

О других я не знаю, но по Татарстану могу сказать, что сегодня система медресе переживает кризис. Прежде всего, это касается количества студентов.

Когда мы говорим об абитуриентах, то следует признать, что абитуриенты думают не только об уровне знаний. Конечно, для абитуриентов знания очень важны. Предположим, когда абитуриенты идут в МГУ, в КФУ, выбор учебного заведения определяет его престиж, в том числе сформированный определенным уровнем гарантированных знаний. Но абитуриенты еще думают: «А кем я буду?», то есть трудоустройство после окончания ВУЗа сегодня становится более и более актуальным.

Если в советское время существовала система распределения и эта мотивация была более значимой для родителей, то сегодня системы распределения нет, и поэтому выпускники сами ищут работу. И родители и выпускники думают о трудоустройстве.

Проблема достойного трудоустройства после окончания учебного заведения выходит на первое место, и в медресе эта проблема стоит, быть может, более остро.

В ВУЗе мы в какой-то степени пытаемся решать этот вопрос, ведь все-таки мы выдаем диплом государственного образца. По теологии, например, можно в школе работать или в прокуратуре в соответствующих отделах.

Мы заинтересованы, чтобы наши выпускники трудоустраивались. Высшее образования в сфере теологии дает выпускнику определенные возможности найти достойную работу, хотя тоже здесь существует много проблем.

Еще одним серьезным вопросом для мусульманских ВУЗов является набор абитуриентов, но тем не менее ситуация хуже не становится, а наоборот улучшается, несмотря на демографическую яму.

Однако следует признать, что в медресе, к сожалению, происходят обратные процессы. Количество абитуриентов уменьшается именно из-за проблемы с дальнейшим трудоустройством.

Например, в Татарстане 1300 мечетей, которые нуждаются в подготовленных имамах. Имамов выпускает Российский Исламский Университет и еще девять медресе, но Духовное управление озвучивает, только 25 % мечетей обеспечено подготовленными имамами.

То есть выпускники не устраиваются по специальности, поскольку махалля практически не функционирует и не способна обеспечивать своих имамов.

Духовное управление поднимает вопрос о том, что государство должно платить зарплату имамам. Все муфтии практически этот вопрос поднимают, но со стороны государства и определенных экспертов есть по этому поводу разные точки зрения. Некоторые говорят о том, что платить зарплату имамам - это формирование потребительской психологии, здесь вся система самодостаточности мусульманской общины будет разрушаться, то есть грань исчезнет, где здесь мусульманские сообщества, где государство, которое платит зарплату. Это очень сложный и дискуссионный вопрос. Поэтому здесь дело в данном случае не только учебных заведений, но и самих мусульманских сообществах России в целом. Насколько они готовы принимать хорошо подготовленных имамов, их обеспечивать соответствующей зарплатой, жильем и так далее. К сожалению это вопрос остается открытым, и поэтому мотивация того, пойду ли я в медресе, кем я буду, остается не до конца ясной для выпускника медресе.

Но я еще раз повторяю, ВУЗ все-таки дает возможность трудоустройства при условии, что выпускник получает диплом государственного образца. Если выпускник не захочет или не сможет работать в религиозных учреждениях, то он может найти работу в государственных учреждениях. Именно поэтому мы открыли специальность лингвистика, экономика, открыли журналистику.

В рамках совета по исламскому образованию в Уфе мы будем обсуждать перечень приоритетных специальностей для нас. Думаю, что в этом вопросе есть и государственная заинтересованность.

Мы, мусульманское сообщество, в лице учебных заведений, должны определить эти приоритетные направления для высших учебных заведений, поскольку с одной стороны есть потребность мусульманских организаций, например, однозначно в теологах, однозначно в экономистах, но и в лингвистах тоже.

Хотя лингвистов со знанием арабского языка и английского языка выпускают многие ВУЗы, но есть принципиальная разница. Лингвист, который выпускается светским учебным заведением, скорее всего, осваивает только светскую терминологию, а религиозной терминологией, может быть, он недостаточно владеет. Напротив, наш выпускник, который владеет и основами ислама, и богословской терминологией, как правило, свободно может работать с религиозными источниками и т.д.

То есть преимущество выпускников лингвистического отделения Российского Исламского Университета, безусловно, есть, в отличие от выпускников-лингвистов светских учебных заведений, которые могут блестяще знать арабский язык, но это будет все равно светский литературный арабский язык с менее выраженным богословским содержанием.

Медресе находятся в определенных узких рамках. Изначально средние специальные учебные заведения дают возможность работы только в религиозных организациях. Поэтому сегодня, когда мы говорим о проблемах

мусульманского образования, это отсутствие единой системы, начиная с воскресных школ.

Воскресные школы тоже сегодня приобретают важное значение, даже особое идеологическое содержание. Сегодня принципиально кто ведет в воскресных школах занятия и что за богословско-идеологическая составляющая присутствует в процессе преподавания.

Два года тому назад, после избрания муфтия, Валиулла-хазрат во главе учебного отдела ДУМ РТ, подготовил программы для воскресных школ. И вот уже два года мы собираем преподавателей воскресных школ в Российском Исламском Университете, поскольку больше всего людей посещают именно воскресные школы. Есть мечети, в которых посещают занятия по 600 человек. Кто и что им преподает?

Со стороны Духовного управления воскресные школы, безусловно, должны быть подконтрольной структурой. Проблема в том, что воскресные школы лицензию не получают и кто в них преподает, по каким программам и чему там обучают и кого мы в итоге выпускаем не всегда понятно

Когда мы говорим о целой системе преподавания, то на уровне Духовных Управлений, на уровне Совета по мусульманскому образованию мы должны срочно определить сколько лет они должно продолжаться обучение на каждом уровне подготовки. Сейчас медресе работают по-разному, где два года обучения, а где три.

Ясно, что начальная точка мусульманского образования – это воскресные курсы, на которых мы должны готовить потенциальных абитуриентов, а вот где последняя точка подготовки?

В связи с событиями 19 июля, Госсовет Республики Татарстан внес изменения в закон республики Татарстан о свободе совести, вероисповедания. В связи с разработкой этих изменений возник вопрос, где обучать наших имамов, чтобы процесс радикализации мусульманской молодежи, который действительно идет, можно было остановить. В этой связи ставить точку только на наших исламских учебных заведениях, мне кажется, мы не можем. Наоборот мы должны развивать сотрудничество с другими ВУЗами наряду с развитием своих ВУЗов. Например, наши выпускники после получения бакалавриата учатся, и в Турции, и в Индонезии и в Малайзии в магистратуре.

Я считаю это вполне нормально, поскольку российские мусульманские учебные заведения еще относительно молодые. За пятнадцать лет достичь соответствующего уровня довольно сложно, поэтому есть понятие престиж полученных богословских знаний. К сожалению, магистров даже на уровне Аль-Азхара у нас в России почти нет. Конечно, магистры Российского Исламского Университета и магистры Аль-Азхара, это немного разные вещи. Поэтому престиж наших преподавателей, отношение к ним со стороны мусульманского сообщества вообще крайне важная проблема.

Мы, безусловно, должны иметь магистров и других специалистов, которые обучались в ведущих мусульманских центрах, в Аль-Азхаре, в Иордании. К сожалению, Сирийский вариант подготовки кадров сегодня отпадает, хотя у нас очень хорошие отношения сложились в Сирии до начала

гражданской войны, поскольку Сирия является важнейшим центром ханафитских традиций, нет больше нигде другого.

Поэтому я считаю, что эту систему надо выстраивать, то есть в любом случае закрытость уже невозможна даже теоретически в любом месте, поскольку сегодня есть система дистанционного обучения. Сидя в России любой желающий может записаться на курсы дистанционного обучения.

Мы сами сейчас запускаем систему дистанционного обучения (в том числе дистанционную магистерскую программу по исламской экономике), уже работаем с Казахстаном. Студенты будут приезжать к нам только для получения диплома.

Во всех крупных ВУЗах уже есть дистанционная подготовка, поэтому административные меры в этой сфере я не считаю эффективными. Именно поэтому наоборот, я считаю, что надо развивать совершенство самих знаний, более четко обозначить перечень крупнейших приоритетных центров подготовки. Скорее всего, мы даже сделаем список наиболее важных для российских мусульман ВУЗов, и центров, чтобы ориентировать и наших выпускников и всех желающих для получения знаний по магистерской программе.

Программу бакалавриата студенты однозначно должны проходить у нас, поскольку хороших бакалавров мы можем готовить России. По крайней мере, Турция наш бакалавриат признает, еще не было ни одной жалобы на наших бакалавров, что они плохо учатся, а уже более 20 человек в Турции учатся в магистратуре. Один магистр учится сейчас в Индонезии, тоже жалоб не было. Их принимают вполне нормально, то есть уровень знаний достойный. То есть бакалаврская программа должна быть обязательна для Российских ВУЗов, а вот магистерскую программу можно продолжать в мусульманских ВУЗах за пределами России.

Завершая свое сообщение, я хочу еще раз сказать, в качестве вывода, что мусульманское образование в России есть, но я не могу утверждать, что это устоявшаяся система. Сегодня мусульманское образование имеет различные формы и все нужно выстроить в единую систему. Это очень важно для решения общих идеологических вопросов, и выстраивания определенной системы контроля. То есть контроля в смысле контроля уровня тех знаний, который дается в системе подготовки.

Если будут разработаны и приняты программы, если будут прописаны определенные учебники, то преподавателям с одной стороны станет легче, с другой сложнее.

И еще раз в завершении хочу повторить, что сегодня проблема постсоветского периода в исламском образовании - это необходимость выстраивания единой, более четкой системы самого этого образования.

Наиль Камилевич Гарипов (Директор Центра исламской культуры «Иман», имам Апанаевской мечети г.Казани): О начальном исламском образовании Рафик Мухаметшович, действительно много сказал. И сказал как раз об актуальности примечетских курсов, которые были практически всегда в

мусульманской умме, начиная с восстановления ислама и, в принципе, распространение ислама как раз шло через эту систему начального образования, поскольку призыв шел непосредственно от имамов, которые занимались, по сути, постоянной религиозной практикой. Их же задачей было привлечение прихожан в махаллю, и изначально как раз эта работа велась, прежде всего, со стороны мусульманского духовенства.

И актуальность этой проблемы заключается в том, что, во-первых, начальные примечетские курсы охватывают очень широкую аудиторию, в том числе разные возрастные категории. Если брать средние учебные заведения и тем более высшие учебные заведения, то там есть некие возрастные ограничения, есть образовательные ограничения. Например, чтобы поступить в религиозный ВУЗ, необходимо сначала получить образования в медресе, а чтобы поступить в медресе необходимо закончить либо школу, либо иметь начальное какое-то образование, но тем не менее все равно эти ограничения существуют. На начальных курсах, которые есть при мечетях вообще никаких ограничений нет. Как человек научился разговаривать, практически так человек может туда поступить и это уже зависит от имама мечети, поскольку он может либо принять, либо не принять этого человека. Как показывает опыт, по крайней мере, я тоже преподавал в свое время, были как бы в одной группе бабушки, которым было лет за семьдесят, и ребята, которым было где-то чуть более шестнадцати лет. Вот эта некая возможность, скажем так, работать с широкими слоями населения, она и является важной составляющей этого начального примечетского образования с одной стороны.

Как раз от этих курсов зависит начало формирования дальнейшего религиозного мировоззрения у людей. Как правильно сказал Рафик Мухаметшович, если преподаватель стоит на неких радикальных позициях, то и последователи, которые будут у него обучаться, в принципе, скорее всего, и пойдут по этому пути радикализации. И, как раз, опыт последних двадцати лет показывает, что основная масса людей ушли с пути традиционного ислама, как раз благодаря тому, что обучались на таких курсах, у людей, которые были радикально настроены. И их переубедить становится намного сложнее, даже если они потом будут обучаться в средних учебных заведениях или в высших учебных заведениях.

Большинству это было достаточно, а те, кто был во главе и обучал, они, конечно, были профессионалами и, в основном, получили знания не у нас на родине, в России, а получили за пределами ее.

У нас в 90-е годы на начальных курсах много было выходцев из арабских стран, которые, конечно, могли преподавать и распространять радикальные взгляды.

Вопрос, конечно, самый актуальный стоит в контроле за мечетскими курсами, и вопрос это был сегодня поставлен. Но, мне кажется, на сегодняшний день ДУМ РТ, в принципе, в какой-то мере эту задачу начало решать. По крайней мере, были созданы некие унифицированные документы, универсальные программы для примечетских курсов. Есть учебники, которые были созданы и распространяются среди мусульманских приходов.

Но остается вопрос контроля над прихожанами, которые получают образование и контроль над преподавателями, которые занимаются с этими учениками на курсах. Но здесь, мне кажется, контроль можно просто усилить через имамов, которые контролируют те или иные учебные заведения, то есть мечети и медресе, где эти курсы организованы. И тут я думаю, особой проблемы как раз-таки нет.

Есть, мне кажется, другая проблема: курсы можно организовать ни при мечетях и ни при медресе, их можно организовать как в Узбекистане или Таджикистане просто на квартирах, так называемая худжуровая система. И вот их уже, конечно, контролировать будет практически невозможно. Это отдельное направление работы. То, что подконтрольно Духовному управлению мусульман Республики Татарстан или центральному духовному управлению мусульман, тут, в принципе, порядок можно навести. А вот что делать с теми, которые могут преподавать за пределами этой системы, здесь этот вопрос очень актуален, тут, как бы ни хотелось, без правоохранительных органов нам не обойтись.

И, может быть, даже имеет смысл либо лицензировать, либо документально эти курсы обозначать, то есть выдавать сертификаты по окончании курсов начальных или выдавать какие-то свидетельства, что они закончили курсы при такой-то мечети или при таком-то медресе, или при Российском Исламском Университете.

Просто я знаю такие случаи, когда люди, получив образование, например, в том же Таджикистане, приезжая сюда, говорили: «Я учился у шейха». У какого шейха – непонятно, где учился, как учился – ничего неизвестно. Но у него есть последователи, у него есть люди, которые тебе говорят, так он же учился у такого-то шейха. Где документы – неясно, как он может это доказать – тоже неясно, но вот эти факты существуют, и вот здесь нам конечно же необходимо работать. И в этом вопросе помимо Духовных управлений нужно подключать государственные структуры.

Карибуллин Айдар Ахбарович (Специалист учебного отдела Духовного управления мусульман Республики Татарстан): Я немного отойду в начале от темы. Все мы понимаем, что качество религиозного образования играет ключевую роль и для мусульманской уммы, и для государства. На сегодняшний день нужно сказать, что в республике Татарстан действуют три сегмента: начальный сегмент, вот эти как раз, как говорилось, примечетские курсы, это среднее профессиональное мусульманское образование, медресе, высшие медресе и Российский Исламский Университет.

Хотелось бы остановиться на примечетском образовании, здесь говорили то, что оно очень актуально тоже. На примечетских курсах у нас преподают около 950 преподавателей и обучаются свыше 10 000 человек.

Духовным Управлением мусульман в этом году было проведено второе совещание преподавателей примечетских курсов, где у нас как раз одной из основных задач ставилась своего рода аттестация преподавателей. Путем создания курсов повышения квалификации, можно частично решать эту задачу

- выдавать соответствующий сертификат и рекомендацию, подтверждающую что человек повысил свою квалификацию и прошел курсы подготовки.

С развалом Советского Союза началась институционализация мусульманского образования, появлялись примечетские курсы, появлялись медресе, появился в 1998 году Российский Исламский Университет. Однако, даже у каждого медресе программы были свои до 2011 года. Все развивалось довольно хаотично, поскольку образовательная система в начале 90-х, в середине 90-х, в начале 2000-х копировалась, в том числе на примере стран Ближнего Востока. Из-за этого копирования медресе выпускали кадры, которые были враждебно настроены против традиционных ценностей ислама. И с 2011 г. ДУМ РТ выпустило унифицированные программы для духовных образовательных учреждений, то есть единые стандарты, единые программы для всех средних духовных образовательных учреждений, медресе. И данная систематизация, конечно, позволяет, как и Рафик Мухаметшович говорил, установить связь между средним и высшим звеном, переход студентов с одного уровня на другой без потери учебного времени.

Сегодня в республике Татарстан действуют 11 мусульманских учебных заведений, среди них 9 средних, одно высшее медресе и Российский Исламский Университет. В них обучаются у нас, учитывая количество заочного отделения, очного, вечернего, около трех с половиной тысяч студентов. Конечно, большинство обучается на вечерних и заочных отделениях.

В этом году у нас летом проходила аттестация преподавателей духовных образовательных учреждений Духовным Управлением мусульман. (Преподаватели проходили курсы переподготовки на базе РИИ).

Касаясь среднего профессионального мусульманского образования нужно сказать, что есть проблема поступления студентов. Ощущается, своего рода кризис. Однако, мусульманское образование все равно востребовано среди населения.

Учитывая или качество подготовки или пожелания родителей или требования времени, сдав ЕГЭ, абитуриент лучше выберет какой-нибудь ВУЗ или колледж, который дает профессиональное образование, на которое будет выдаваться зарплата, будут какие-то пособия. То есть эта проблема есть.

Моя тема была заявлена, как «Национальный аспект в мусульманских учебных заведениях». Хочу отметить, что в мусульманских учебных заведениях Татарстана более трех с половиной тысяч студентов и из них 92% студентов составляют татары (это с учетом всех отделений).

По подсчетам данных о студентах на 2011-12 учебный год численность других национальностей, в основном это касается выходцев из Средней Азии, составляет 7,5%.

Если говорить более конкретно, то в Казанском Высшем Медресе Мухаммадия эта планка составляет 6,5% из 990 человек учащихся. В Казанском Медресе имени Тысячелетия принятия ислама, в котором обучение ведется полностью на татарском языке, представители других национальностей составляют всего лишь 1,5%. В Казанском Исламском Колледже, который специализируется на подготовке кадров для религиозной работы с диаспорами,

имеет соответствующий состав студентов, то есть около 70% студентов – это представители республик Средней Азии. В этом году в Казанский Исламский Колледж на первый курс набралось около 30 человек и из них 10-12 человек это уже татары. Постепенно татар становится уже больше.

Здесь стоит отметить тот факт, что у каждого медресе есть своя специфика. Вот медресе КИКа специализируется на подготовке кадров для работы с диаспорами, Казанское Медресе имени Тысячелетия принятия ислама специализируется на студентах из сел, то есть туда приезжают из Татарстана из сельских поселений, которые, в основном, идут работать после завершения обучения имамами, и Медресе Мухаммадия, там, в основном, обучаются из городов республики Татарстан, Российской Федерации и СНГ. Если же брать другие районы, медресе других районов, то, например, в Альметьевском, из общего количество 185 студентов, где-то 9,5% составляют не-татары. В Нижнекамском Медресе, я привожу данные на 2011-2012 учебный год (сейчас там студентов нет) около 18% студентов из 50 человек не из Татарстана. В Медресе Ак-Мечеть из 160 студентов, где-то 1,7 % не- татар, в Кукморском Медресе где-то 0,7 %, это из 400 учащихся где-то 3 человека и они не из Средней Азии, а русские. В остальных медресе, это два медресе, Буинское и Мамадышское студенты полностью моноэтничны. Все студенты - татары.

В связи с этим можно также рассмотреть национальный состав преподавателей духовных образовательных учреждений, на основании результатов исследований, которые проводились в 2008-2009 учебном году. В 2008-2009гг. количество преподавателей составляло 92 человека, а в 2011-2012 учебных годах преподавателей уже около 110 (с учетом всех преподавателей, это штатные и внештатные).

В медресе, в духовных образовательных учреждениях, в основном, также составляют татары, где-то 90-95,5% .

В двух медресе это Мухаммадия и КИК преподают два араба, один представитель Средней Азии и в медресе Мухаммадия один турок и один азербайджанец, в основном, эти преподаватели преподают языковые дисциплины, как носители языка.

Как говорилось, проблемы есть. Также был вопрос о том, каким должно быть медресе. Оно должно быть сугубо конфессиональным или оно должно иметь какие-то светские элементы. Здесь, если посмотреть историю, у татар в 17-18 вв. легитимного образования не было, оно было подпольным. Даже после Указа Екатерины II о свободе совести татарам не разрешалось иметь свое светское образование.

Из-за этого медресе, которые есть, имеют свои светские элементы. Они как раз являются, можно сказать, теми отголосками, которые были у нас до революции, поскольку медресе совмещало в себе религиозное образование со светскими предметами.

Что касается подготовки религиозных кадров – большой проблемой является то, что не все выпускники, которые выпускаются из духовных образовательных учреждений идут работать в качестве имамов. Как Рафик Мухаметшович говорил это всего лишь где-то 20%.

Шагавиев Дамир Адгамович (Заведующий Отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук): На самом деле заявленная тема круглого стола очень важная и необъятная с учетом того, что у нас мусульманские образовательные учреждения в Татарстане начали действовать регулярно, можно сказать, уже с 1991 г.

И понятно, что в начале эти учебные образовательные учреждения давали очень примитивное начальное образование. Это то, что у нас теперь можно получить в примечетских медресе и соответственно в то время ситуация была хорошая, в том смысле, что использовались те учебные пособия, те учебники, которые были разработаны еще до революции, то есть то, что у татар есть наследие это учебное богословское оно, в принципе, использовалось в учебном процессе. Это касается изучения арабского языка, это касается изучения религиозных обрядов, ну и конечно, самые основные понятия о мировоззрении, о нравственности, о поведении, этикете.

Затем в 1993 г. у нас появляется Медресе Мухаммадия, в то время имело наименование - Высший Мусульманский Институт. Туда приглашались арабы и начинался более продвинутный процесс обучения студентов из Татарстана, из Казани. Были, конечно, студенты из Башкортостана и других регионов России. И, если посмотреть на учебную литературу того времени, здесь происходил некий синтез. Использовались те же старинные учебные пособия, плюс новые учебные пособия, которые тут же переводились или переодились в Москве, или за границей. Плюс учебный процесс проводился по некоторым арабоязычным пособиям (преподаватели, которые вели занятия по этой литературе проводили их с переводчиком).

К 1993г. еще не вся литература была переведена, даже если говорить о радикальных толках. Но процесс преподавания по арабским книгам, которые были изданы или в Египте, или в Сирии, или даже в Саудовской Аравии, или в странах Персидского залива, был начат.

Я помню, когда сам был в то время одним из студентов Мухаммадии, у нас преподаватель, покойный хазрат Абдулхак Саматов преподавал обряды по книге Ибадат-и исламийа. Эта книга, как раз дореволюционная, написанная Ахмад Хади Максуди, и там студенты получали основы ханафитского мазхаба, и с точки зрения вероучения, и с точки зрения обрядов.

Параллельно вёлся другой предмет, который также назывался фикх, там тоже изучались обряды, обучение уже велось по другой книге, которая называлась Фикх ус-сунна автор Сейд Сабех.

Для людей, которые глубоко занимаются литературой, которые изучали ислам, понятно, что эта книга устроена по принципу безмазхабности, то есть автор пытался уйти от мазхабов и предложить читателям новый метод подхода к обрядам, то есть подход, который мы называем можно сказать салафитским подходом, когда идет отказ от мазхабов. Главное, что я заметил, в этой литературе - сильные нападки именно на ханафитский мазхаб, который часто по тексту признавался самым слабым по сравнению с другими мазхабами.

Про другую литературу я уже не буду говорить, но на примере этой одной книги, видна определенная тенденция. В Россию, заезжали проповедники, которые, в основном, были представителями движения «Братьев-мусульман» работали они на основе салафитской литературы.

Фатхи Якан и другие авторы они тоже были, но преобладали авторы популярные как раз в салафитском мире.

По-моему, это был общий проект, когда эти различные организации, имеющие отношение к Братьям-мусульманам, с общими воззрениями, методологией работы, стремились объединить вот этих мусульман в России на основе определенной салафитской идеологии, которую они посчитали очень легкой для усвоения, очень удобной для распространения. Поскольку есть финансы, есть возможности, то можно охватить всю эту мусульманскую публику, распространить эту единую идеологию, объединить всех мусульман, а потом это использовать как-то в своих целях. Таково мое мнение.

Была литература чисто салафитского плана, книги, которые проповедовали уже не мнение «Братьев-мусульман», а в вопросах вероучения, в вопросах акыды тех, именно понимание тех, кого мы называем салафитами, или последователи Ибн Таймии, или последователи Ибн Абдуль Ваххаба.

Но была особенность, что в области фикха, в области обрядов, в области практического богословия, то есть, как выполнять молитву, как исполнять обряды, закят, ураза, пост, все равно в регионе еще оставалось понимание того, что татары связаны с ханафитской традицией.

Я еще помню в 1992 г., когда один из первых лагерей проводился и приезжали представители Саудовской Аравии, представители некоторых благотворительных фондов вели обучение, курсы по своим книгам.

Понятно, что они объясняли поклонение не так, как это принято было у татар, объясняли вероучение тоже не так, как принято здесь, но я помню, что было понимание проблем, даже у организаторов этого лагеря.

Один из организаторов этого лагеря был, как раз, покойный Валиулла-хазрат Якупов. Он молодежи говорил тогда: «Вот я вижу, вы молитесь сейчас и я вижу, вы молитесь сейчас, как арабы, но у нас есть свой, ханафитский мазхаб, и вы должны это учитывать, вы должны это изучать». Он также обращался к другим местным преподавателям, они подтверждали его мнение, то есть понимание было.

И, когда сам же Валиулла Якупов организовал это Медресе Мухаммадия, Высший Исламский Институт, то, как я уже сказал, он старался соблюдать этот порядок: один и тот же предмет, то есть фикх вел араб, и такой же предмет вел Абдулхак Саматов, то есть студент получал двойную информацию. Он мог сравнивать, как это принято здесь и как это принято у них, у арабов. Другой вопрос, кому больше нравился араб, а кому больше нравился Абдулхак Саматов, это другой вопрос.

Но понимание было, и когда я сам долгое время находился за границей, и когда я сюда на каникулы приезжал и посещал Российский Исламский Университет. Понятно, что более пяти лет назад там было другое руководство, там были другие программы и в плане вероучения, там ситуация была не очень

хорошая, с нашей точки зрения, но в плане опять обучения обрядам, обучения практике, я заметил, что студенты были очень щепетильны в этих вопросах, чтобы исполнять молитву именно по ханафитскому обряду.

И среди преподавателей, у которых с точки зрения вероучения, может быть, были отклонения, если брать школу Матуриди, которая здесь была распространена среди татар, может быть они не понимали, что такое Матуриди и вообще отрицательно относились к традиционному исламу, в вопросах практики, как ни странно, они были настроены на ханафитский мазхаб, то есть у нас появился такой феномен, когда мы имели салафитов в оболочке ханафитов.

В принципе, история такие примеры знает, это и в средневековые такие примеры были, но у нас тоже такие люди появились. Поэтому в плане ханафитского мазхаба, обучения ханафитскому фикху, проблем, я думаю, не было. Да, студенты получали более либеральное понимание фикха и очень часто на 100% не соблюдали ханафитский мазхаб, тот, кто обучался в наших медресе в то время, но, тем не менее, понимание было, что здесь на территории Татарстана нужно придерживаться именно этого мазхаба.

Что же касается вероучения, и это самое важное, то до момента, например, на 2006 г. я проверял документацию, в самом Российском Исламском Университете, взял дисциплину исламское вероучение, посмотрел, какой список литературы предлагается в учебно-методическом комплексе, и обнаружил, что там синтез уже начал проявляться. Есть и ханафитские, и суфийские авторы, но, в основном, представлена точка зрения салафизма. То есть, например, из восьми книг, одна книга на татарском языке разъяснение Акыды Тахавии и, как раз, это разъяснение салафитское, Основы веры Эльмир Кулиев, например. Эльмир Кулиев у нас тоже является представителем, можно сказать, ханбалитской школы, это умеренный салафизм, но все равно это не наша школа. «Книга единобожия» Салех ибн Фаузан аль-Фаузан - это тоже известный авторитет салафитов. «Столпы ислама и веры» Мухаммад Джамиль Зину - тоже уже покойный салафитский автор, известный тем, что он преподавал дарар хадисы в Мекке. И восьмой пункт идет тоже на татарском языке «Ответы на 200 вопросов по исламской акыде» автор Хафиз Ибн Ахмад Хаками, и на русском языке она доступна в продаже. Что интересно книга составлена на основе «Книги единобожия» Мухаммеда ибн Абд-аль-Ваххаба, то есть по положению на 2006 г., даже если я посмотрю, кто составитель. Я его знаю, составителя этого УМК, он, в принципе, не является ярким представителем салафитского движения или тем, кто даже исповедует одно вероучение, а внешне является ханафитом, он обычный мусульманин и обычный преподаватель, который получил образование, правда за границей в Сирии. Но даже у такого преподавателя не было понимания, или он действовал по указанию сверху. Ему предложили какую-то литературу, он вставил в УМК, и вот ситуация такова.

То же самое мы наблюдали по УМК, которые нам были предоставлены с помощью полевого исследования по медресе, которые в Татарстане проводились.

В 2008-2009 годах тоже очень часто встречались по вероучению книги и на русском языке, и на арабском языке книги, которые представляли другую точку зрения, то есть, не точку зрения традиционного ислама. Только последнее время ситуация начала изменяться.

Сейчас изменения большие. Произошла унификация. Есть список рекомендованной литературы, разработаны новые пособия, в том числе сотрудниками РИУ, и не только РИУ. Эта литература сейчас активно используется в учебном процессе, то есть перелом, можно сказать, произошел, если говорить о пространстве официального исламского образования.

Сафиуллин Ильдар Фагильевич (Директор Ульяновского медресе «Биляр»): В начале хочется сказать слова благодарности организаторам круглого стола, что подняли такую актуальную проблему.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы последние двадцать лет живем в такой свободе, которой у мусульман не было, наверное, последние 400 лет, даже по сравнению с мусульманскими государствами, и даже Турцией. То есть, пожалуйста, уаза, пожалуйста, сунну делай сыну своему и прочее, и прочее. То есть, пожалуйста, все, что ты хочешь, можно держать. Этого не замечать, значит не благодарить Всевышнего. Если посмотреть на мечети, в которых у нас проходит ифтар и прочее, и прочее и не благодарить за то, что мы имеем такие возможности, то это просто будет непозволительно.

Наши предки, они бы сейчас в слезах не верили, что мы живем в свободе, поэтому я хочу выразить благодарность руководству страны

Посмотрите у нас какие проблемы - если двадцать лет назад у нас таких проблем не было, сегодня мы получили сполна, во время этой свободы, конечно, просто тоже нужно вовремя осмотреться, принять меры: пьянство, наркомания, сироты, преступность, нежелание служить, нет семей - гражданские браки, нет производной от браков – детей, нет рождаемости. Мы сегодня оглядываемся на Китай, не займет ли нас, и так далее ...

Мы сегодня уже говорили, большая проблема найти ответственный персонал. Найти персонал для бизнеса, проблема очень сложная. Нет ответственных людей практически во всем. Почему? А потому что религия была стержнем. Стержень уронили, поэтому, как только не поднимай, как только не делай, тополь какое бы красивое дерево не был, если он без корней, в конечном итоге, он долго не стоит, начинает разрушаться внутри и потом падает. Поэтому я хочу сказать, что религия таким и была составляющим, на чем стояла Россия всегда.

Ну, что касается ситуации у меня здесь в сообщении заявлен Ульяновск. По Ульяновской области у нас более 100 мечетей, было три Духовных Управления, сегодня два Духовных управления. Я являюсь первым замом муфтия Ульяновской области, избранным на съезде. Был третий муфтият, он закрылся, из-за несостоятельности и интриг. Пусть Всевышний простит и направит на путь истинный. Второй муфтият у нас немножко соотносится с направлением, которое уже озвучивалось сегодня во время круглого стола.

Традиционный ислам, который исповедуется, проповедуется, представляет региональное Духовное Управление мусульман Ульяновской области, входит в состав Центрального Духовного управления, около 100 мечетей. Ситуация в мечетях такая: процентов 35-40 имамов, наверное, после 70-80 лет и замены им нет. В деревнях такая же ситуация в мечетях.

Образование, опять-таки, где кто что достал и читает и потом начинает задавать вопросы, и практически на каждой из встреч, где мы бываем, задают вопросы. То есть, что я хочу сказать, актуально сегодня образование как никогда, потому что, если мы не займемся этим вопросом, те, кто с нами занимается, доведут до логического завершения.

Пока мы только вздохнули свободой, но не успели заметить, какая ситуация сегодня в Татарстане, в других регионах назревает. У нас в Ульяновской области тоже есть проблемы, и хотелось бы сказать, что я не совсем понимаю эту позицию, почему до сих пор дают возможность подниматься и подниматься радикальному исламу.

Когда было у нас одно из совещаний в 2004 году, я там сказал, чего мы добиваемся, почему мы не занимаемся этими вопросами, мы ждем, чтобы у нас на крыше поставили американский флаг что ли? Люди так с недоумением посмотрели на меня. Я спросил «Почему не занимаются этим вопросом правоохранительные органы?». Мне говорят: «Мы связаны по рукам, потому что нет сегодня таких законов». Это было в 2004 году. Нет законов, и сегодня Они не взрывают, не убивают, то есть они не переходят границу, в рамках того правового поля, которое есть, они не переходят границу. Позвольте, они же завоевывают умы и сердца людей, взрывы и все остальное, мы все получим. То, что мы сегодня и получили. А что касается того, что мы фонды будем создавать, и только потом будем бороться – думаю, это бесполезно.

Если посмотреть на историю России, оглянуться на тысячелетнюю историю государства, мы поймем, что нужно просто помочь религии сегодня, православию, исламу, и все на свои места станет абсолютно. И служить будут, и рожать будут, и семьи будут, и друг друга уважать, чтить и все будет прекрасно, и будет честность и порядочность, и все будут довольны.

Что касается религиозного образования, раз у нас вопрос сегодня об образовании, то медресе у нас есть в Ульяновске, пять лет существует, лицензию мы получили, все необходимые документы, разрешения от разных органов абсолютно получили, потому что на стадии строительства нового медресе на 1 800 квадратных метров и собственную котельную, кирпичное здание и т.д. Рядом стадион, лес, просто хочу сказать, что на этом этапе, когда мы строили, чтобы все дела обойти, правильно, мы пригласили все службы, не спецслужбы, а службы, которые федеральные, пожарники и прочее. Сказали, нарисуйте как надо, мы так сделаем. Они пришли, все прояснили, дали добро – нет вопросов, поэтому работаем.

Я понимаю прекрасно, что ислам – это без национальностей, и те народы, которые не будут благодарить Всевышнего, они исчезнут, на их место придут другие народы, все это прекрасно понимают. Как я не пытался четыре года только татар собирать. Все-таки у нас в области 170 000 татар, но 50 человек у

нас стационарно жить, спать могут одновременно, поскольку у нас есть и спальные помещения, в которых жить можно. У нас на 50 человек рассчитано, но мне больше 40 не удавалось собрать. В этом году опять, более половины пришли казахи, таджики, узбеки.

Я опять еще раз говорю, я не националист. Эти ребята казахи, таджики, узбеки, но они рожденные уже в Российской Федерации, жители Ульяновской области, из соседних регионов, то есть они выросли здесь, все, нет к с ними никаких проблем. Это опять показывает, что Всевышний нам готовит замену, кто ислам понесет дальше. Не хотите – как хотите, забываете про Всевышнего. Это, как бы и отчаяние, с одной стороны, за народ, хотелось бы все-таки сохранить, потому что говорили же, что придут эти народы из своих регионов, принесут свою культуру и как это получится – неизвестно. А здесь все-таки мы, татары, нормально жили, плечом к плечу в разные моменты. Разные, конечно, в истории моменты были, но, тем не менее, понимали и торговлю и взаимоотношения, всегда были, и в такие времена, и в другие времена находили общий интерес.

Что мы делаем по образованию? Курсы повышения квалификации имамов проводим, летом оздоровительные лагеря для детей проводим по две смены, мальчиков и в одну смену девочек собираем, 30-50 человек. Потом наши выпускники практику проходят в мечетях Ульяновской области. И для имамов мы курсы повышения квалификации проводим, даем им соответствующее удостоверение, что они прошли, то есть поддерживаем традиционный мазхаб, чтобы немножко они ориентировались. Потому что было время в начале девяностых они попытались заблудиться, но, слава Богу, они услышали, дошли и нормально сохранили. Я хочу сказать, мы с ними работаем.

То, что совет по исламскому образованию, то, что Фонд поддержки помогает, это очень неплохо, очень хорошо. Курсы повышения квалификации проводим, педагогов мы постоянно отправляем, то в Уфу, то в Москву.

Просто расскажу случай. Примерно год назад принесли книжечку, цветную, хорошую, красивую, очень хорошо напечатанную. Там про религию пишут, про ислам, про Аллаха, все на татарском языке. Все пишут, вроде, так красиво, похоже, что правда все пишут там про пророка и прочее. Не может быть, думаю, не может быть, что-то тут не то. Начинаю искать, и маленьким шрифтом там, в конце читаю «Свидетели Иеговы». Для чего это делается, чтоб здесь такую кашу заварить, чтобы мы здесь перепутали кто кем является? К чему это в конечном итоге может привести?

На сегодняшний день более решительно надо поддерживать официальные медресе. Есть Совет по исламскому образованию, хотелось бы, чтобы была больше поддержка. Есть такая поговорка, пока гром не грянет, мужик не перекрестится, но что-то мы долго об этом вспоминаем. Гремит уже давно, местами тоже слышим, гремит уже так на улице...

Хотелось бы, чтобы зарплату педагогам начали платить. Нужно уделить внимание педагогам. Люди заканчивают обучение, начинают работать, им нужно как-то жить, что-то строить. Если мы солдат содержим, педагог это тот

же солдат, тем же самым занимается государственным вопросом. Если солдат отслужил и ушел, то педагог остался дальше, потому что если религия отделена от государства, народ и государство – это одно и то же. Религия занимается народом, а народ не отделен от государства, поэтому, я хотел бы сказать, что этим солдатам нужно тоже что-то с зарплатой подумать, подумать, пусть символически. Может гранты давать специальные, целевые. Потому что мы старшие над ними знаем тоже, кому давать, кому не давать.

Потом я говорил уже про образование второе, педагогическое. Я хотел бы, чтобы грант, может быть, целевой дать им, чтобы они поступили и закончили педагогические светские государственные учреждения, получили светское второе образование педагогическое, потому что им в этой работе нужно, потому что есть специальные методики, которые нужно будет применить, и они будут полезны.

Спасибо, что нам дали компьютеры, компьютерный класс у нас теперь есть, но хотелось бы, чтобы еще решили вопрос и с программным обеспечением.

И по прокуратуре. Медресе у нас, например, уже дважды за этот год прокуратура проверяла, допустим, вызывали все те службы, которые были, и проверяла дважды абсолютно все, вплоть до туалетной бумаги. Вот последняя была проверка, задание вот я читаю: «О проведении проверок исполнения религиозными организациями и духовными образовательными учреждениями законодательства о свободе совести, противодействии экстремизму, правовом положении иностранных граждан, духовных учебных заведений, а также о порядке выезда-въезда и пребывания иностранных граждан в Российской Федерации». Я хочу сказать, что пока мы тут друг с другом, именно так хочется сказать, копошимся, другие смеются всюду над нами.

РЕЗОЛЮЦИЯ круглого стола

«Исламское образование: проблемы и пути их преодоления. Законодательное и нормативное правовое регулирование»

11 октября 2012 года, Казань, Россия

Сегодня общество и государство понимают, что религиозное образование требует такой же поддержки и внимания, как и российская система начального, среднего и высшего светского образования. В этой связи особенно вопрос о поддержке отечественной системы исламского образования со стороны государства встает остро, учитывая, что молодежь предпочитает получать духовные знания не в своей стране, а в зарубежных странах. Это не только говорит о качестве российских учебных заведений и их престижности в глазах абитуриентов, но и касается уже непосредственно проблемы духовной безопасности страны как составной части национальной безопасности российского государства, поскольку получение зарубежного религиозного образования зачастую означает перенятие ценностей и мировоззренческих установок чужой культуры, неимеющей такого богатого опыта мирного сосуществования народов разных конфессий, который есть в России.

Круглый стол «Исламское образование: проблемы и пути их преодоления. Законодательное и нормативное правовое регулирование», прошедший 11 октября 2012 года в Казани, стал местом обсуждения актуальных проблем современного исламского образования в России и за рубежом, религиоведения, молодежной политики. В круглом столе приняли участие ученые, преподаватели вузов, представители духовенства, что свидетельствует о значимости поднимаемых на прошедшем мероприятии проблем, важных для всего российского государства. Философско-теоретическое и историко-религиоведческое осмысление опыта развития исламского образования в России за последние двадцать лет постсоветского периода позволяют сделать вывод о том, что сегодня создана полноценная система духовного образования от начальных приходских курсов до религиозных университетов и академий, что означает возможность подготавливать кадры духовенства в России, не прибегая к необходимости их отправки в зарубежные учебные центры. В тоже время сегодня приходится констатировать печальную ситуацию, когда отдельные выпускники иностранных мусульманских учебных заведений, возвращаясь на Родину, становятся проводниками экстремизма и нетрадиционных для коренных народов России форм ислама радикального толка. Зарубежное исламское образование не может служить для страны выходом в плане подготовки кадров мусульманского духовенства. Отправка учиться в иностранные религиозные вузы максимально желательна только после получения базового исламского

образования на Родине, в России. При этом надо учитывать и такой фактор как страну обучения, в которую направляется учиться россиянин, поскольку сегодня как государственная идеология ряда стран Ближнего Востока, так и происходящие в них политические процессы активно влияют на религиозную образовательную систему этих государств.

В этой ситуации крайне важно упорядочивание законодательной и нормативной правовой базы, которая могла бы регулировать исламское образование в России. Также стоит вопрос о необходимости унификации учебно-методического обеспечения в религиозных учебных заведениях России, выработке единого образовательного теологического стандарта, опирающегося на дореволюционные традиции отечественного богословия с учетом современных педагогических технологий.

Большинство участников круглого стола сошлись во мнении, что

а) сочетание различных подходов к анализу сегодняшнего состояния исламского образования позволяет не только представить его реальное состояние, но и высвечивает пробелы познания и определяет перспективы его дальнейшего развития;

б) среди мер, направленных на предотвращение пагубного влияния зарубежного исламского образования, эксперты видят в приоритетном получении базового образования в России в отечественных мусульманских учебных заведениях и всесторонней поддержки их государством и обществом;

в) существует необходимость законодательного и правового нормативного регулирования исламского образования в России;

г) исламское образование в России в постсоветский период уже имеет опыт своего развития, среди одной из проблем которого стоит признать дальнейшего совершенствования единого учебно-методического поля на всей территории страны;

д) выйти с инициативой к государственным органам власти о выработке механизма экспертизы религиозной литературы с целью пересмотра списка запрещенных изданий экстремистского содержания по представлению централизованных религиозных организаций;

е) поддерживать в дальнейшем деятельность Совета по исламскому образованию в России;

ж) поставить вопрос перед Советом по исламскому образованию в России о системной подготовке и переподготовке педагогических кадров для начального исламского образования (примечетных курсов) с их последующей сертификацией.

По итогам состоявшейся дискуссии участники круглого стола приняли настоящую резолюцию.

Казань, Россия,

11 октября 2012 года

Организатор: Российский государственный университет нефти и газа им.И.М.Губкина

Участники: Рафик Мухаметшин (ректор Российского исламского университета, Казань), Айдар Карибуллин (начальник учебного отдела ДУМ Татарстана), Ильдар Сафиуллин (ректор Ульяновского медресе «Биляр»), Назим Сафаров (завуч Пермского исламского колледжа «Тарик»), Дамир Шагавиев (заведующий Отделом истории общественной мысли и исламоведения Академии наук Республики Татарстан), Наиль Гарипов (директор Центра исламской культуры «Иман»), Василий Иванов (Общество ревнителей истории Казани)